УДК 261.7:94(470.55)"1948-1953" DOI: 10.12737/16836

ОТ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ К ТЕОРИИ ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Коротков М. Ю. [1]

В статье представлен анализ философских оснований теории понимания социального действия. Согласно автору, отказ от классической оппозиции методологического логоцентризма («объективное – субъективное») как основной исследовательской установки способствует уточнению места и роли социального учёного, а также открывает возможность для конструирования «смыслосберегающих» теорий понимания действия.

Ключевые слова: понимание смысла социального действия, социальное пространство, субъективный смысл, объективный смысл.

FROM METATHEORETICAL DICHOTOMY TO THE THEORY OF UNDERSTANDING OF SOCIAL ACTION

KOROTKOV M. Y. – Senior Lecturer of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: tieburntree@yandex.ru.

The article deals with the analysis of philosophical reflections of the theory of understanding of social action. According to the author, the rejection of the classical position of methodological logocentrism («objective – subjective»), as the main research facility, helps to clarify the place and role of the social scientist as well as opens an opportunity for the construction of "meaning saving" theories of understanding of action.

Keywords: understanding the meaning of social action, social space, subjective sense, objective sense.

В настоящее время актуальной проблемой исследования становится изучение социального пространства повседневности как «locus nascendi» социологически релевантного знания и преодоление теоретических и методологических затруднений, возникающих при сохранении исследовательской перспективы.

Впрочем, уже само понятие «социальное пространство», несмотря на его утвердившийся статус в социологии (от Ф. Тённиса и Г. Зиммеля до П. Бурдье и П. Штомпки), как способ научной объективации социальных структур, процессов и значений характеризуется известной двусмысленностью.

С одной стороны, в научном исследовании социальное пространство как историческое и структурное единство может приобретать черты объективной реальности sui generis. Иными словами, системы социальных институтов и иерархий, системы знаков и семантических связей и т.д. открываются исследователю как «уже существующие» («пред-данные»), т.е. как объективно («сами-в-себе») функционирующие формальные образования в определённый период их развития, в той или иной конфигурации.

Коротков Максим Юрьевич — старший преподаватель кафедры истории, философии и социальных технологий; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орловский филиал (Российская Федерация, Орел), e-mail: tieburntree@yandex.ru.

Однако акцент может быть смещён на смысловое строение данных образований. В этом случае социальное пространство выступает субъективной (точнее, интерсубъективной) реальностью, конституирующейся в индивидуальных и коллективных актах смыслополагания, интерпретации, типизации и т.д.[1]

Лейтмотивом же нашего исследования является требование к философам спуститься со своих «башен из слоновой кости», выраженное в известной речи Жака Маритена в Принстонском университете[2]. Именно мир «дел человеческих» и сопряжённые с ним риск, ответственность, отчаяние и воля (включая политическую ангажированность самого учёного) должны рассматриваться в качестве изначальной среды социального и культурного теоретика.

Следовательно, уже первое приближение к пониманию природы социальной реальности сопровождается необходимостью различения исследовательских представлений в рамках классической философской оппозиции «объективного» и «субъективного». Стоит указать, что одной из основных интенций современного философского мышления является как раз преодоление дихотомической презентации как исследовательской установки. Так, например, согласно Х. Патнэму, «как только такая дихотомия, как дихотомия между «объективным» и «субъективным» принята… мыслители начинают рассматривать термины этой дихотомии почти как идеологические ярлыки».[3] Отметим, что Х. Патнэм исследует возможности выхода из этого «идеологического спора» посредством сближения понятий «истина» и «рациональность».

Наш исследовательский интерес сосредоточен на выявлении соответствующего потенциала социологической объективации субъективного смысла действия[4]. Задачей настоящего исследования является описание и уточнение теоретического и методологического проблемного поля для конструирования теории понимания социального действия.

Указанное выше различие «объективного» и «субъективного» на уровне метатеории сохраняет свою силу и имеет последствия для теории и методологии социального познания. Так, конститутивным основанием первого подхода является предположение, согласно которому социальное пространство in toto (или его определённый сегмент) открыто объективному и «беспристрастному» анализу, как если бы оно могло быть «схвачено» исследователем в познавательном акте как единое целое. Это допущение, как принято считать, регламентировано канонами классической (позитивистской) научной рациональности. Тем не менее, здесь остаются непрояснёнными основания привилегированности позиции исследователя, претендующего на объективность и легитимность своих описаний. Выступая своего рода «социологическим логоцентризмом», данный подход скрывает от самого себя собственную историчность, социальную и политическую обусловленность. Конечно, идеал объективности научного знания вовсе не исключается одним лишь признанием историчности и социально-политической

---

[1] Ср. с замечанием Г. Зиммеля: «Обобществление есть в бесчисленном количестве способов реализующаяся форма, в которой индивиды в основе разнообразных… мотивов и интересов создают особое единство, внутри которого эти мотивы и интересы находят своё воплощение». См.: Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С.486-487.

[2] Маритен Ж. Философ во граде // Маритен Ж. Философ в мире. – М.: Высшая школа, 1994. С. 17-23.

Прим. автора: Полагаем, что идеологическое основание выдвигаемого Ж. Маритеном требования к философам (а именно: угроза порабощения мира коммунистическим деспотизмом) в данном случае может быть оставлено без внимания.

[3] Патнэм Х. Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002. – С.9.

[4] О другом примере преодоления классической дихотомии – респонзивной феноменологии Б. Вальденфельса – подробнее см.: Коротков М. Ю. К проблеме «чужого» в современной феноменологии // Среднерусский вестник общественных наук. — №3. — 2010. – С. 13-17.

ангажированности позиции исследователя[1]. Речь в данном случае идёт о специфическом притязании логоцентризма, которое не может быть подкреплено иначе, как с помощью определённого методического принуждения.[2]

Действительно, упуская из внимания то, что социальная реальность есть по преимуществу реальность осмысленная и осмысляемая, такого рода объективизм как будто не замечает, что любое – в том числе и санкционированное стандартами объективной науки – описание социального пространства фактически является описанием-в-социальном-пространстве. Но не означает ли это, в свою очередь, растворение объективного знания в субъективном мнении? И разве не должны мы в таком случае заключить о принципиальной невозможности построения системы верифицированного знания об общественной жизни человека? Не оказывается ли тогда социология как теоретико-эмпирическое единство всего лишь специфической формой «культурного релятивизма»? На наш взгляд, все эти вопросы и трудности не столько радикально ограничивают или даже ставят под сомнение объективность социального познания и возможность науки об обществе[3], сколько, наоборот, указывают направления дальнейших исследований.

В частности, отправной точкой здесь может служить специфическая трансцендентность социального мира. В отличие от мира физических тел, выступающего объектом исследования в естественных науках, социальная реальность является, прежде всего, смысловым пространством, т.е. «имеет собственное значение и структуру релевантности для человеческих существ, в нём живущих, думающих и действующих»[4]. В связи с этим, описание социального пространства, открывающегося наблюдателю и социальному учёному в многообразии перспектив, не может быть редуцировано ни к классификации материальных объектов и физических воздействий, ни к аналитическому исследованию социальной структуры и институтов, ни к кодификации языковых выражений. Точнее говоря, данные виды обыденной и научной объективации, сохраняя в имплицитной форме онтологическое противопоставление «субъект – объект», недооценивают конститутивный характер оригинальной со-причастности познающего и познаваемого. Так, в повседневной жизни мы не просто «сталкиваемся» или «имеем дело» со сменяющими друг друга объектами и событиями, но, прежде всего, связываем с ними определённые значения в рамках «биографически детерминированной ситуации» и «наличного интереса» (А. Шюц). Для нас здесь важно отметить, что переход от «естественного (наивного) мировоззрения» к «научной установке» вовсе не заключается в своеобразном «гештальт-переключении», в результате которого элиминируется до-теоретическое знание социального учёного.

Напротив, как показал Ю. Хабермас, «социальный учёный не может связать свои собственные понятия с обнаруживаемыми в контексте понятиями никаким иным образом, кроме как так, как это делают сами профаны в своей коммуникативной повседневной практике»[5].

---

[1] Подробнее см.: Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. – М.: Канон РООИ Реабилитация, 2011. – С. 58 и далее.

[2] Ср. с замечанием Б. Вальденфельса о модусе данности «целого»: «Целое – это то, что всегда ещё отсутствует. Тот, кто ссылается на целое, симулирует наличие того, чего у него нет. Так называемый разум в истории опускается до голой силы и власти во имя разума, если сохраняется притязание на целое». См.: Вальденфельс Б. Порядок в потенциалисе // Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Мн.: Пропилеи, 1999. С. 112.

[3] Скорее всего, подлинное значение релятивизма и скептических установок раскрывается только в том случае, если понимать их как определённый и необходимый этап в развитии любой науки. Подробнее см.: Куртц П. Новый скептицизм. Исследование и надёжное знание. – М.: Наука, – 2005.

[4] Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 9.

[5] Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. – Том 7. – №3. – 2008. – С. 16.

В результате привилегированный статус социолога по отношению к изучаемой им социальной реальности демистифицируется: социологический дискурс принципиально и изначально нагружен «первичными смыслами». Разумеется, в той степени, в какой продолжается последовательное сохранение этой познавательной установки, мы оказываемся уязвимыми для обвинений в «культурном релятивизме», эпистемологическом индивидуализме, обскурантизме и т.д. Так, если в качестве конститутивного для социологической теории рассматривать акт интерпретации субъективного смысла социального действия, то мы сталкиваемся с настоятельной необходимостью экспликации методов и процедур, которые обеспечили бы соответствие полученного социальным учёным знания стандартам объективности, научной релевантности и эмпирической проверяемости. В связи с этим, в рамках классических и современных концепций интерпретативной социологии[1] были предложены различные варианты обеспечения научной валидности понимания смысла социального действия (теория идеальных типов М. Вебера, феноменология естественной установки А. Шюца, перформативная установка в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса).[2]

Таким образом, анализ основных тенденций развития современного социально-философского знания свидетельствует о возможности построения «смыслосберегающей» теории понимания социального действия только в результате преодоления классического противопоставления «субъективного» и «объективного» и переориентации эпистемологической установки социального учёного в направлении большей включённости в социальное пространство повседневности.

Библиография / References:

1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2011. – 144 с.

2. Вальденфельс Б. Порядок в потенциалисе // Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Мн.: Пропилеи, 1999. – С. 105 – 122.

3. Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С. 486 – 500.

4. Коротков М.Ю. К проблеме «чужого» в современной феноменологии // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 3. –С. 13 – 17.

5. Куртц П. Новый скептицизм. Исследование и надёжное знание. – М.: Наука, 2005. – 360 с.

6. Маритен Ж. Философ во граде // Маритен Ж. Философ в мире. – М.: Высшая школа, 1994. – С. 17 – 23.

7. Патнэм Х. Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002. – 296 с.

8. Степанцов П. Социальное действие между интерпретацией и пониманием // Социология власти. – 2013. – № 1-2. – С. 27 – 56.

9. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. Том 7. – 2008. – № 3. – С. 3 – 33.

10.Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 7 – 50.

1. Betti, E. (2011) Germenevtika kak obshchaia metodologiia nauk o dukhe [Hermeneutics as the general methodology of the human sciences]. – M.: Kanon+ ROOI Reabilitatsiia. – 144 p. (In Russ.)

[1] О различиях «понимающей» и «интерпретативной» социологии. См.: Степанцов П. Социальное действие между интерпретацией и пониманием // Социология власти. №1-2. – 2013. – С. 27– 56.

[2] Критическому анализу проектов интерпретативной социологии будут посвящены наши дальнейшие исследования.

2. Val'denfel's, B. (1999) Poriadok v potentsialise [Order in the potentialis] // Val'denfel's B. Motiv chuzhogo [Motive of the strange]. – Mn.: Propilei. – P. 105 – 122. (In Russ.)

3. Zimmel', G. (1996) Obshchenie. Primer chistoi, ili formal'noi sotsiologii [Communication. An essay of the pure or formal sociology] // Zimmel' G. Izbrannoe. Tom 2. Sozertsanie zhizni [Collected works. Vol. 2. Contemplation of the life]. – M.: Iurist. – P. 486 – 500. (In Russ.)

4. Korotkov, M.Iu. (2010) K probleme “chuzhogo” v sovremennoi fenomenologii [Towards the problem of the strange in the contemporary phenomenology] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – № 3. – P. 13 – 17. (In Russ.)

5. Kurtts, P. (2005) Novyi skeptitsizm. Issledovanie i nadezhnoe znanie [The new skepticism. Inquiry and reliable knowledge]. – M.: Nauka. – 360 p. (In Russ.)

6. Mariten, Zh. (1994) Filosof vo grade [The philosopher in the city] // Mariten Zh. Filosof v mire [The philosopher in the world]. – M.: Vysshaia shkola. – P. 17 – 23. (In Russ.)

7. Patnem, Kh. (2002) Razum, istina i istoriia [Reason, truth and history]. – M.: Praksis. – 296 p. (In Russ.)

8. Stepantsov, P. (2013) Sotsial'noe deistvie mezhdu interpretatsiei i ponimaniem [Social action between interpretation and understanding] // Sotsiologiia vlasti [Sociology of power]. – № 1-2. – P. 27 – 56. (In Russ.)

9. Khabermas, Iu. (2008) Problematika ponimaniia smysla v sotsial'nykh naukakh [The problem of understanding in social sciences] // Sotsiologicheskoe obozrenie. Tom 7 [Sociological review. Vol. 7]. – № 3.–P. 3–33. (In Russ.)

10.Shiuts, A. (2004) Obydennaia i nauchnaia interpretatsiia chelovecheskogo deistviia [Common-sense and scientific interpretation of human action] // Shiuts A. Izbrannoe: Mir, svetiashchiisia smyslom [Collected works: the world glowing with sense]. – M.: ROSSPEN. – P. 7 – 50. (In Russ.)